

ПРАВДИВАЯ ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА РОССИИ В XX ВЕКЕ

Ярослав Вежбински. Языковой монументализм в России XX века.
Лодзь 2012, 263 с.

Доц. Константин Попов
Софийски университет „Св. Климент Охридски“

Из богатой библиографии к новейшему труду проф. Ярослава Вежбинского можно узнать, что по теме языковой картины России после Октябрьской революции писали многие авторы, но впервые Я. Вежбинский удачно создает довольно полную картину языка, охватывающую весь двадцатый век, причем это столетие делится на ряд периодов, когда происходят очевидные исторические перемены, отражающие перемены языка. В зависимости от силы и характера исторических событий данные периоды развития языка делятся на отдельные подпериоды.

Труд Вежбинского структурирован очень четко и дает ясное представление о развитии языка в отдельные периоды русской языковой картины. После «Вступления», где выясняются исходные позиции автора теоретического плана, в десяти главах прослеживаются конкретные изменения языка с разных сторон для того, чтобы была освещена возможно наиболее полная языковая картина русского языка двадцатого века. Первая глава касается общекультурных и языковых парадигм в России 20 века, периодизации русского языка и его идеологизации, языковой моды. Во второй главе показана Россия после революции в историческом, социолингвистическом, агитационно-пропагандистском планах, причем усиливается отношение партии к религии, партийному контролю и пропаганде, а также и к художественной литературе, где проявляются изменения в языке и в частности в лексике.

Почти во всех главах труда строится аналогичная картина парадигм, где излагаются сначала историческая ситуация России в отдельные периоды ее существования, увязывание данной ситуации с ее отражением в языковой картине страны – в речи семьи, общества и художественной литературы. В зависимости от исторической ситуации страны отдельные слова получают те или иные коннотации. „Каждый исторический период, - отмечает автор, - имеет свои доминантные точки отнесения, систему ценностей или определенные универсалии. В литературе они именуются по-разному: константы, постоянные величины,

идеологемы“ (38). Особенno чувствительной к изменениям и идеологемам является лексика публицистической и разговорной речи, науки и искусства. В целях усиливающейся агитации и пропаганды происходит заметное обновление лексики, но стереотипное мышление проводит к так называемому новоязу, называемому ещё деревянным, дубовым, искусственным, партийным языком, изобилующим пустословными лозунгами, паремиями, целенаправленными собственными именами и аббревиатурами. Особенno богатые данные имеются в труде Вежбинского насчёт как раз таких имён, которые с точки зрения нормального современника поражают своей неестественностью и своей чрезвычайной идеологизированностью. Достаточно будет указать на некоторые примеры неразумного увлечения с современной точки зрения идеологизацией сложносокращенных имён, напр.: Зарем, Зарема – за революцию мира; Ким – Коммунистический Интернационал Молодёжи; Даздрaperma – Да здравствует первое мая; Гертруда – героиня труда; Рикс – рабочих и крестьян союз; Донара – дочь народа; Рада – рабочая демократия; Рената – революция, наука, труд; Ор – Октябрьская революция; Опп – отец русской революции; Револт – Революция Ленин, Троцкий; Ревдит – революционное дитя; Дамир – даешь мурковую революцию и т.д. и т.п. (100).

Стремление к созданию и использованию аббревиатур и других сокращений приобрело в советское время и как наследство в постсоветское время большие масштабы, что можно увидеть наглядно в „Новом славаре сокращений“ (2008 г.), где они насчитывают 35 тысяч слов. Особенno большую частотность, по словам автора, имеют морфемы сов-, соц-, ком-, парт-, полит- в многочисленных сочетаниях, напр.: соваппарат – советский аппарат; соцсоревнование – социалистическое соревнование; комсубботник – коммунистической субботник; партибилет – партийный билет; политработка – политическая работа и т.п. (77).

Прав Я. Вежбинский, когда утверждает, что „Нагромождение в русском языке непонятных монументальных и нелепых сокращений является своего рода проявлением порабощения властями человека, для которого становятся неясными даже названия действующих в государстве организаций“ (84).

Идеологизация языка в целях воздействия на сознание масс выражается особенно часто в обилии лозунгов и возваний, который призваны порабощать сознание человека. Многие из них имеют популистский, но и неверный, лживый характер. Ярким примером такого фальшивого лозунга является фраза: „Каждая кухарка должна научиться управлять государством“. Автор анализирует детально и убедительно риторики Ленина и Сталина. Особенno избытым и нереальным является словосочетание „новый человек“ в фразе „Борьба за нового человека“, которая вводит в заблуждение членов социалистического общества. Неудачной является попытка создать „социализм с человеческим лицом“, выдвинутый А. Дубчеком 19 июля 1968 года в Чехословакии. История также отрекла и возможность осуществить „развитой (реальный) социализм“. Человек социалистичес-

кого общества назван „Гомо советикус“, деформированный, по словам автора, как нормальный и свободный человек, это диагноз его ущемлённости и рабского сознания.

В главе VII „Топонимические советизмы“ указаны и проанализированы бесчисленные названия городов, сёл, улиц по именам вождей советской власти. И в труде упомянуто переименование г. Варны в г. Сталин, вершины „Мусала“ в „Сталин“. Не только в Советском союзе, но и во всех социалистических странах происходило сплошное переименование многих населённых и ненаселённых мест. Бесчисленными являются также имена и всяких мест, содержащие идеологемы „красный“, „май“, „комсомол“, „пролетарий“ и др.

В главе VIII „Гендер и языковой портрет советской женщины“ поражает многообразие словообразовательных форм, выражающих многочисленные обязанности и роли, которыми советская власть наделила и обременила советскую женщину. Многие мужские профессии стали выполнять по неволе женщинами в тоталитарном строе, напр.: бетонщица, паяльщица, электрозварщица, шахтёрка, фрезовщица, автокранщица, арматурщица, экскаваторщица, бамовка, забойщица, камазовка, литейщица, рамщица, танкистка, разведчица и т.д. и т.п. „Для советской женщины, по словам автора, более важной было стать работа и общественная деятельность, чем воспитание её собственного потомства и создание семейного уюта“ (139).

В главе IX „Отражение языковой картины в паремиях“, показано, как советская идеология проявляется в пословицах, поговорках и крылатых выражениях, как создаются подходящие для воздействия на народные массы зарифмованные или стилистически приподнятые изречения, фразы и идиоматические изречения, которые обычно имеют популяризаторский характер, но часто лишены большого содержания. Речь идёт о семантически новых паремиях, выражающих коммунистическую идеологию и похожих на коммунистические лозунги, напр.: „Раньше жили – слёзы лили, теперь живём – счастье күём“; „За коммунистами пойдёшь – дорогу в жизни найдешь“; „За партией идти – в счастье жить и цвести“; „Пионер – всем работам пример“ и др. (150).

Многие паремии прославляют имена партийных вождей: „Ленин нашу долю вывел на волю“; „Ленина завет на тысячи лет“ и др.

В многочисленных паремиях активизируются идеологические слова, такие, как „советский“, „Кремль“, „народ“, „пятилетка“ и др. Коллективизация тоже обрастает паремиями, прославляющими советский строй, напр.: „В колхозную пору жизнь пошла в гору“; „В колхозе поживать – добро наживать“; „У лодыря – ни гроша, а у колхозника жизнь хороша“ и др. (155).

Как справедливо утверждает автор, „Итак, посредством пословиц внушается уверенность в преимуществах коллективных, колхозных форм хозяйства, где индивидуальное подчиняется общему, где личные интересы подчинены общественным“ (158).

Антирелигиозные паремии после революции рисуют религию как враждебный институт, источник контрреволюции. Весьма показательна статистика разрушенных церквей и монастырей за годы советской власти: „В 1917 году в России насчитывалось 78 тысяч храмов и 1253 монастыря. В 1991 году в России оставалось около 7,5 тысяч храмов и 16 монастырей“ (162).

Военная тематика особенно в годы войны вошла во множество паремий, напр.: „В Советскую Армию пошел – родную семью нашел“; „Для того и советская пушка, чтобы мир был“; „У советского солдата и тело граната“ и др. (163). „Паремии, по словам автора, по содержанию незамысловаты, они скорее примитивны своей тематикой и адресованы соответствующему контингенту людей – народным массам“ (167).

Последняя глава X „Перестройка как процесс языковых изменений. Демифологизация лексики“ содержит три подэтапа перестройки: 1. Начало перестройки (1985 – 1987), когда открыто говорится о недостатках экономической системы, о борьбе с коррупцией, о разоблачении бывших вождей советской страны; 2. Второй этап (1987 – 1989) провозглашает принцип гласности и перестройки, смягчение политической цензуры, частного предпринимательства и улучшения отношений с Западом; 3. Третий этап (1989 – 1991) открывает время дестабилизации страны; допущения многопартийности. Хотя эти этапы слишком короткие, чтобы проявляться в языке, все-таки они весьма интенсивно протекают и ломают стереотипы поведения и языка, идеологии и управления страной. „Перестройка, – пишет автор, – привела к значительным переменам на уровне языка. В новейшей истории русского языка перестройка обозначает новый стиль выражения. Язык перестройки характеризуется свободой выбора слов, отказом от языкового табу и изменением характера использования эвфемизмов“ (171). Само слово „перестройка“ входит в многочисленные сложные слова, слово „демократ“ не только сильно видоизменяется, но также является компонентом различных частей речи – существительного, прилагательного, наречия, причастия, глагола. Появляются термины, означающие новые реалии: горбачевец, горбачевщица, эльцининст, эльцинский, застой, путч, а также и новые аббревиатуры: СНГ (ОНД), СМИ, бомж, бомжевать, гэбист и др. Иронизируются и получают отрицательную семантику слова и словосочетания, характерные для советской системы, напр.: новый человек, светлое будущее, аппаратчик, брежневизм ... Бывшие термины и названия с отрицательной семантикой при коммунизме уже получают при перестройке и после перестройки положительное значение. Срв.: банкир, губернатор, фермер, господин, госпожа, предприниматель, акционер и др.

Хотя автор не может претендовать на исчерпательность темы работы, он детально анализирует и дает довольно полную картину языка России в 20 веке. Как раз в России за этот век происходят многие резко меняющиеся ситуации и события, соответственно проявляющиеся на всех уровнях языка, в его формах выражения, в речи общества с учетом семантики, словообразования, словосочетания,

неологизмов, сложносокращенных слов, идеологизации языка, словоупотребления, переоценки слов в различные периоды тоталитарной власти. Я. Вежбинский проделал в своем труде большую работу, в которой выяснены многие проблемы языковой картины России, причем умело и плодотворно проделан огромный иллюстративный материал и библиографию по теме труда. Монография Я. Вежбинского является заметным и оригинальным вкладом в изучение и освещение языковой картины России в XX веке.

TRUE PICTURE OF RUSSIAN LANGUAGE IN THE XX CENTURY

 Prof. Dr. Konstantin Popov

Faculty of Slavonic Languages
University of Sofia
15, Tsar Osvoboditel Blvd.
1504 Sofia, Bulgaria